

Совет прекратил дисциплинарное производство вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре

Совет прекратил дисциплинарное производство вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, одновременно обратив внимание адвоката на необходимость более тщательного формулирования публичных экспертных комментариев.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 28 февраля 2020 г. дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката П. ...в отношении адвоката К.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 5 февраля 2020 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе адвоката П. от 6 ноября 2019 г., подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседание Совета не явился, представил ходатайство..., в котором просит рассмотреть дисциплинарное производство без его участия, иных заявлений и ходатайств не имеет, согласен на получение решения Совета по электронной почте.

Заявитель, адвокат П., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета также не явился, представил заявление от 3 февраля 2020 г., в котором просит рассмотреть дисциплинарное производство без его участия.

...Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, основанном на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, материалами дисциплинарного производства установлено, что заявитель жалобы – адвокат П. с 26 февраля 2019 г. являлся защитником З., в отношении которой 29 октября 2019 г. был постановлен обвинительный приговор. Судом ей назначено наказание в виде семи лет и шести месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком пять лет.

В этот же день, 29 октября 2019 г., в интернет-газете... была размещена статья журналиста... в тексте которой содержится следующий комментарий адвоката К.: «При наличии у следствия столь убедительных доказательств путь смягчения наказания у обвиняемых один – раскаяться, заключить досудебное соглашение, активно способствовать раскрытию всех обстоятельств преступления... А в данном случае мы наблюдаем обратное. Подсудимая идет в категорический отказ, а Фемида ограничивается символическим наказанием. Такое правосудие можно назвать ангажированным».

Адвокат П. выдвинул в отношении адвоката К. дисциплинарное обвинение в том, что он в нарушение Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «О выступлениях в средствах массовой информации» дал комментарий интернет-газете... в котором в негативном ключе характеризует приговор, постановленный судом в отношении З., подзащитной адвоката П., «дает негативную характеристику позиции, выработанной для защиты З., без каких-либо оснований сообщает о достаточности доказательств, при наличии которых З. должна была “каяться” в преступлении, которого не совершала и “сотрудничать со следствием”, фактически транслирует обвинительную позицию по делу, что не должно быть свойственно представителю адвокатского сообщества, делает это еще до рассмотрения дела в апелляционной инстанции».

Адвокат К., не отрицая своего авторства указанного комментария, при этом утверждает, что его комментарий носит общий характер, не относится к обстоятельствам какого-либо конкретного дела, в том числе, дела в отношении З.

Как следует из письменного заявления от 9 января 2020 г. главного редактора интернет-газеты... и автора указанной публикации Б., адресованного президенту Адвокатской палаты города Москвы и приобщенного к материалам дисциплинарного производства, он (Б.) обратился к адвокату К. как к эксперту, хотя и в связи с приговором в отношении З., вызвавшим большой общественный резонанс, но за комментарием только по общим теоретическим вопросам, касающимся назначения наказания лицам, признанным виновными в совершении особо тяжких преступлений, в том числе и оснований для назначения им наказания, не связанного с лишением свободы. Б., как и адвокат К., утверждает, что последний не комментировал уголовное дело и постановленный по нему приговор в отношении З., подзащитной адвоката П.

При таких обстоятельствах с учетом буквального (дословного) содержания анализируемого комментария адвоката К., в котором не содержится идентифицирующих признаков конкретного дела и конкретного лица, в отношении которого постановлен приговор, Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката К. не опровергнута представленными заявителем доказательствами, в связи с чем дисциплинарное производство подлежит прекращению.

Вместе с тем Совет считает необходимым обратить внимание адвоката К. на необходимость более тщательного формулирования публичных экспертных комментариев с тем, чтобы их содержание не могло ассоциироваться с обстоятельствами уголовных дел, в которых он не участвует.